

вым кошмаром, страшным *сном* с пробуждением в том же подполье.

Если вспомнить характеристику русских Гамлетов, данную Достоевским в статье об А. Григорьеве, то раскольниковский тип — из тех, кто "менее раздваивался" и весь уходил в свой "порыв", шел напролом, без всякого "такта", а "тоской заболел целиком", "всем человеком".

Начиная работать над новым романом, осенью 1867 года, Достоевский долгое время все еще был во власти характера сильного, страстного, угрюмого и несообщительного", с гордостью "беспредельной" и крайним эгоизмом, с бешеной жаждой "саморазрешения всего". И вместе с тем герой уже мыслился "идиотом", то есть каким-то особенным и должен был кончить "божественно", "отступиться"⁸.

На каком-то этапе "идиот" приобретает даже традиционные гамлетовские черты: нужно "натуру" "огромную и тоскующую (склонную к любви и к мщению)...", "тоскующий, себя презирающий и до бесконечности гордый характер"... "Идиот представлен в ожидании и в тревоге, как будто есть какое-то дело ... совершает разные поступки в волнении, а потом вдруг полная апатия для чего? Зачем? Затворяется от всех и шатается даром... Самоубийство".

Из Гамлетов Достоевский ищет на сей раз наиболее "раздваивающуюся" натуру: "он до такой степени болезненно горд, что не может не считать себя Богом и до того вместе с тем себя не уважает (до того ясно себя анализирует), что не может бесконечно и до неправды — усиленно не презирать себя".

Все более и более раздваивая своего героя, Достоевский доходит наконец до "последней крайности" — Христос и Дьявол. Именно в "искушении Христа Дьяволом" видит он "начало глубокого христианства". У него и "христианин" может "в то же время не верить" (позже он такого христианина назовет "Гамлет-христианин"), и "бесы веруют и трепещут".

Прежде чем сделать своего "идиота" человеком, достигшим по выражению Салтыкова-Щедрина, "полного нравственного и

8. Здесь и далее цитируются рукописные редакции романа "Идиот". Полн. собр. сочинений и писем в 30-ти томах. Изд. "Наука", т. 9.